

МОРАЛЬ, ПОЛИТИКА, ОБЩЕСТВО

Д.Э. Летняков

К ВОПРОСУ О ГЕНЕАЛОГИИ ИМПЕРСКОГО СОЗНАНИЯ В РОССИИ

Летняков Денис Эдуардович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник. Институт философии Российской академии наук. 119991, Российская Федерация, Москва, ул. Волхонка, д. 14, стр. 5; e-mail: letnyakov@mail.ru

Статья посвящена исследованию феномена имперского сознания в России. Реконструируя особенности домодерновой политической культуры русского крестьянства, автор показывает несостоятельность заявлений о том, что русский народ является имперским на протяжении многих столетий. В действительности крестьянское политическое сознание (а крестьяне составляли до 1930-х гг. подавляющее большинство населения России) имело сугубо локальный характер, не выходя за пределы общины. Народные массы имели самое смутное представление об имперских институтах, никогда не идентифицировали себя с ними, не рассматривали задачи имперской политики в качестве мотива своих собственных действий, им абсолютно чужда была идея русского мессианства (потому, что они не ощущали себя русскими) или мессианства православного (потому, что народное православие в основном сводилось к обрядоверию).

Комплекс идей и ценностей, связанных с понятием империи, великой державы входит в массовое сознание русских лишь в советскую эпоху. Это было связано с разрушением традиционного крестьянского уклада в ходе коллективизации и индустриализации. В модернизированном обществе идея государства стала доступной и понятной для широких слоев населения. При этом советская элита, отойдя от лозунгов мировой революции, стала с начала 1930-х гг. создавать импероподобное государственное образование, в котором русские по факту заняли место имперского народа, впервые действительно ощущая себя таковым. Именно в эпохе «советской империи» и следует искать корни постимперского синдрома, наблюдаемого в современной России. Однако не стоит переоценивать остроту этого синдрома – «имперско-державный» ценностный блок представляет собой всего лишь одну из политических субкультур современного российского общества.

Ключевые слова: империя, имперское сознание, крестьянство, народ, политическая культура, традиция, модернизация

Редкие размышления о состоянии общественного сознания в современной России обходятся без диагноза «постимперский синдром». Общим местом стала констатация того факта, что после распада СССР россияне (и прежде всего русские как наиболее крупная часть российской гражданской нации) испытывают серьезные трудности с политическим самоопределением, живут неоимперскими мифами, старыми победами и мечтают о возрождении великой державы, поскольку для них империя давно стала неотъемлемой частью национального самосознания и бытия. Об этом пишут историки: «Рус-

ское национальное сознание есть сознание имперское... раньше, чем русские осознали себя как нацию, они осознали себя империей...»¹. С ними солидарны политологи: «Как ни крути, но русские (граждане России) – Большой Имперский народ... Пропаганда имперских идей – ложится на душу русского народа»² – и философы: «Может быть, наиважнейшая мысль, которая была воспринята и сохранена народами, населяющими Россию со времени падения Византии до наших дней, есть мысль об империи и о том, что они – имперский народ...»³. Кого-то как апологета «Пятой империи» Александра Проханова такая черта русской ментальности приводит в восторг⁴, кто-то пишет о ней с нескрываемым раздражением; тем не менее, расходясь в оценках, многие авторы едины в главном – в том, что в российской политической традиции и политической культуре наследие империи занимает ключевое место.

Принципиально важно, что значительная часть исследователей темы имперского сознания в России ищет его корни в глубокой древности. Так, процитированный выше Е. Анисимов считает, что идентификация русскими себя как имперского народа начинается с правления Ивана Грозного; С. Никольский, затрудняясь с точной датировкой, полагает, что за точку отсчета можно брать и падение Византии, и царствование Грозного, и начало европейской Реформации; М. Юрьев останавливается в своих изысканиях на второй половине XV в.: «Россия, начиная со времен Ивана III Великого... определенно является имперской страной и *имперской нацией* (курсив мой. – Д.Л.)»⁵. Если обратиться к классикам русской философии, то на ум прежде всего приходит Н.А. Бердяев, выводивший основания русского мессианского сознания из теории «Москва – Третий Рим»⁶. Так или иначе получается, что русские живут в имперской парадигме около 500 лет.

В этой статье мы не будем полемизировать с тем, что важной частью политической культуры в *современной* России является комплекс ценностей и установок, связанных с идеей империи, великой державы. С определенными оговорками, которые делаются ближе к концу работы, этот тезис кажется вполне справедливым. Что на самом деле хотелось бы оспорить, так это представление о том, что русский народ обладает имперским сознанием на протяжении *многих столетий*. Полагаем, что феномен имперского сознания в России относительно недавний он возник лишь в советскую эпоху. Продлевать его дальше – значит совершенно игнорировать специфику политической культуры традиционного крестьянства, которое вплоть до сталинской коллективизации составляло подавляющее большинство русского населения (даже к концу правления Николая II в деревне проживало не менее 85 % подданных царя⁷). Предлагаемая статья в значительной мере и является опытом реконструкции домодерновой⁸ политической культуры в России, попыткой

¹ Анисимов Е.В. Исторические корни имперского мышления в России. [Электронный ресурс] URL: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/sympo/Proceed97/Anisimov.html> (дата обращения: 09.01.2015).

² Радзиховский Л. Новогоднее настроение // Рос. газ. Федерал. вып. 30.12.2014. № 6570 (298). С. 4.

³ Никольский С.А. После империи // Независ. газ. 09.10.2013. С. 10.

⁴ Проханов А.А. Горчаковы «Пятой Империи» // Завтра. 21.06.2006. № 25 (657). С. 5.

⁵ Юрьев М. Естественным для русских вариантом государственного устройства является смесь идеократии и имперского патернализма // Российское государство: вчера, сегодня, завтра. М., 2007. С. 171.

⁶ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

⁷ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. Т. 2. СПб., 2003. С. 160.

⁸ До 1930-х гг. крестьянскую общину в России практически не касались модернизационные процессы (либо их влияние было сильно ограниченным).

понять, каким образом в восприятии народных масс преломлялся имперский дискурс, продуцируемый элитами, как воспринимались русским крестьянством различные имперские практики и институты.

Начать хотелось бы с истоков заблуждения, которому мы собираемся оппонировать. Представляется, что тезис об исконности имперского сознания в России основан исключительно на допущении, что *жить в имперском государстве* автоматически означает *иметь имперскую политическую культуру*. Действительно, Российское государство стало приобретать имперские черты еще в XVI в. Именно тогда в состав России были инкорпорированы народы Поволжья, началось покорение и освоение Сибири. Тогда же, в XVI в., русские правители впервые официально приняли царский титул, который формально был равнозначен императорскому. Наконец, на рубеже XV–XVI вв. была сформулирована концепция «Москва – Третий Рим», которая объявляла Россию политической и духовной наследницей Византии, а московских правителей – единственными защитниками истинной веры на Земле. Теория «Москва – Третий Рим» на столетия стала русской имперской идеологемой, с помощью которой обосновывались геополитические притязания России в Закавказье, на Балканах и в ряде других регионов вплоть до 1917 г. Прямое влияние этой идеологемы можно видеть в «греческом проекте» Екатерины II, собиравшейся создать новую Греческую империю с центром в Константинополе и объединить ее с Россией династической унией⁹, или в стремлении «водрузить православный крест на Святую Софию», что было одним из обоснований для вступления России в Первую мировую войну.

Итак, в XVI в. Россия обзаводится многими важными атрибутами империи. А значит, следует вывод, в то же самое время имперское сознание проникает в народные массы, русский народ осознает свое мессианское призвание, мысль о котором он впоследствии пронесет через века. Однако приведенное умозаключение бесконечно далеко от реальности. Попробую это доказать.

Когда мы произносим фразу «русские осознали себя имперским народом» применительно к XVI в., проблема начинается уже со слова «русские». Существует большое количество работ, ставших хрестоматийными, в которых убедительно показывается, что нация как социальный конструкт возникает в истории человечества довольно поздно – национальная идея начинает по-настоящему «овладевать массами» лишь в конце XVIII – начале XIX вв.¹⁰ Принцип национализма заменяет собой прежнюю лояльность династии и церкви, но для того, чтобы эта смена идентичностей произошла, необходима модернизация общества, включающая в себя урбанизацию, создание общегосударственной системы школ, развитие системы коммуникаций между разными частями страны, появление регулярного почтового сообщения, разрушение сословных перегородок и т. д. Только после осуществления указанных процессов солидарность между людьми,

⁹ Подробнее см.: *Зорин А.* Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII–XIX века. М., 2004.

¹⁰ См. на эту тему: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М., 2001; *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998; *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991; *Нации и национализм* / Под ред. Г. Балакришнана. М., 2002; *Deutsch K.* Nationalism and Social Communication. 2nd ed. Camb., 1966. Каждый из указанных авторов, как правило, делал акцент на каком-то одном аспекте появления национализма. Например, у Э. Геллнера – это переход к индустриальному обществу, у К. Дойча – развитие коммуникаций, у Б. Андерсона – распространение книгопечатания на национальных языках. Однако все они едины в том, что национальная идентичность невозможна в домодерновом обществе.

родившимися в одной деревне или молящимися в одной церкви, заменяется солидарностью между людьми, живущими в одной стране и говорящими на одном языке¹¹. Последнее и есть идея нации.

Иными словами, необходимо принципиальное изменение социального бытия людей для того, чтобы «воображаемое сообщество» под названием «нация» проникло в их сознание. Ранее этого крестьянские массы не воспринимали себя французами, немцами, англичанами или испанцами – слишком велики были языковые и другие различия между частями страны, слишком замкнуто друг от друга существовали отдельные локальные сообщества и т. д. Существует классическая работа Юджина Вебера, в которой он на широком материале показывает, что национальное самосознание у французских крестьян возникает лишь к началу Первой мировой войны, и происходит это вследствие целенаправленных усилий со стороны государства¹². Данное замечание справедливо и для русских крестьян, идентичность которых также в течение многих веков ограничивалась принадлежностью к общине, православной церкви (если речь идет не о раскольниках и сектантах) и подданством царю. Более того, в России описанная ситуация усугублялась отсутствием системы всеобщего образования, слабым уровнем урбанизации, сохранением вплоть до революции 1917 г. многих сословных пережитков, довольно поздним появлением всеобщей воинской повинности и еще более поздним возникновением общероссийского представительного органа. Поэтому Р. Суни был прав, когда писал, что «царское правительство не смогло превратить крестьян в русских»¹³ и народное сознание вплоть до советской эпохи было донациональным. Ему вторит и отечественный исследователь: «...к моменту прихода к власти большевиков “русский народ” по-прежнему оставался идеальным концептом, существующим только в представлениях образованной части общества»¹⁴. Что же тогда говорить о временах Ивана Грозного или падения Византии? Рассуждение о «русских» в ту эпоху – это типичный прием постфактической рационализации, когда мы задним числом включаем в члены своего «воображаемого сообщества» наших далеких предков на том лишь основании, что мы сегодня мыслим в национальных категориях.

Мы не случайно так подробно останавливаемся на этом моменте. Если локальность архаичного мировоззрения крестьянских масс мешала им «вообразить» себя в качестве единого народа, то откуда тогда взялась в их сознании идея империи? Ведь нельзя быть имперским народом, не идентифицируя себя с собственной страной, хоть в какой-то степени не осознавая (и не поддерживая) цели имперского строительства. Упомянутый выше историк Анисимов полагает, что «раньше, чем русские осознали себя как нацию, они осознали себя империей». Попробуем посмотреть, действительно ли донациональное сознание могло быть при этом имперским, и оставила ли идея империи какой-то след в политической культуре русского крестьянства.

В нашем распоряжении есть два типа источников – это современные исследования вопроса, а также воспоминания, размышления и наблюдения над крестьянской культурой людей XIX – начала XX вв. На этом материале постараемся реконструировать основные черты крестьянского политического сознания.

¹¹ Хитров А. О теориях национализма. [Электронный ресурс] URL: <http://yarcenr.ru/articles/politics/braces/o-teoriyakh-natsionalizma-74227> (дата обращения: 02.02.2015).

¹² Weber E. Peasants into Frenchmen. The Modernization of Rural France 1870–1914. Stanford, 1976.

¹³ Суни Р. Диалектика империи: Россия и Советский Союз // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 188.

¹⁴ Кормина Ж. Воинская присяга: к истории одного перформатива // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2004. № 1 (33). С. 105.

К первой группе используемых источников относится работа Светланы Лурье. Исследуя сознание русского крестьянина XVIII–XIX вв., она отмечает, что *место реального государства в нем занимала община*, в рамках которой он зачастую проводил всю свою жизнь и с которой он себя, в первую очередь, идентифицировал. Обычный крестьянин имел весьма смутные представления о государственных институтах и политических процессах, происходящих в стране, они были ему чужды и непонятны. Лурье подчеркивает факт *радикального отчуждения крестьян от властных институтов*, объясняя это тем, что по мере своего закрепощения и усиления эксплуатации со стороны имперских элит народ начинает чувствовать себя в острой конфронтации с государством. Он саботирует многие решения государственных органов, с недоверием относится ко всему, что исходит от власти. «Крестьяне старались избегать любых встреч с представителями государственной власти, как огня боялись попасть в суд хотя бы в качестве свидетелей, государственным учреждениям не доверяли, в их легитимности сомневались, а при появлении представителей власти в деревне прятались по избам»¹⁵. При этом в мировоззрении крестьян всегда присутствовал образ некоего идеального государства-общины во главе с «царем-батюшкой», их защитником от произвола «сильных людей» – образ, возникший, по-видимому, как защитная реакция на несправедливость государства реального. Об этом же пишет и историк Борис Миронов: «Современники... указывали на недостаток политической сознательности у народа, который придерживался самодержавной идеи по инстинкту и чувству... и признавали, что “народ не давал для государственного строительства никаких ясных идей”»¹⁶.

На полтора века раньше С. Лурье и Б. Миронова к аналогичным выводам пришел А.И. Герцен: «...*кроме царя и духовенства все элементы правительства и общества совершенно чужды, существенно враждебны народу* (курсив мой. – Д.Л.)... Отверженный всеми, он понял инстинктивно, что все управление устроено не в его пользу, а ему в ущерб... Понявши это и одаренный сметливым и гибким умом, он обманывает их везде и во всем... Жизнь русского народа до сих пор ограничивалась общиной; только в отношении к общине и ее членам признает он за собою права и обязанности»¹⁷.

Похожим образом описывал свои впечатления А.Н. Энгельгардт, автор знаменитых «Писем из деревни»¹⁸, наблюдавший за жизнью крестьян пореформенной эпохи: мужик, писал Энгельгардт, воспринимает как бедствие любое соприкосновение с судебной системой (даже вызов в суд в качестве свидетеля), призыв на воинскую службу, выборы земским гласным и т. д. Жизнь и интересы крестьянина ограничиваются общиной и волостью. Находясь в деревне во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., Энгельгардт отмечает неподдельный интерес народа к военной кампании на Балканах, но связано это было лишь с тем, что на войну периодически забирают работников из семьи и лошадей из хозяйства, а также заставляют отправлять какие-то дополнительные повинности в пользу государства. О самих же причинах войны и ее ходе крестьяне имеют самые фантастические представления (вроде того, что «англичанка [Англия] не хочет переходить в нашу веру»). Заметим в скобках, что такое же индифферентное отношение к войне проявляли и солдаты в годы Первой мировой войны. Как только зашаталась имперская

¹⁵ Лурье С.В. *Метаморфозы традиционного сознания*. СПб., 1994. С. 124.

¹⁶ Миронов Б.Н. *Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)*. С. 235.

¹⁷ Герцен А.И. *Русский народ и социализм // Герцен А.И. Соч.*: в 2 т. Т. 2. М., 1986. С. 165–166.

¹⁸ Энгельгардт А.Н. *Из деревни*. 12 писем. 1872–1887. СПб., 1999.

государственность и началось разложение армии, солдаты (т. е. все те же крестьяне, одетые в шинели) бросали оружие и дезертировали с фронта со словами «мы Вятские, Тульские, Пермские: до нас немец не дойдет»¹⁹.

Чтобы не ограничиваться представителями народнического лагеря, которых можно заподозрить в излишнем акцентировании внимания на роли общины в жизни народа и, напротив, в чересчур негативном отношении к государственным институтам, можно сослаться на воспоминания участников земского движения, либералов по преимуществу. Напомним, что земства, созданные в ходе реформ Александра II, стали первым за долгое время институтом в России, действовавшим на всесословных началах. Выражаясь современным языком, это была площадка, на которой могли встречаться представители разных сословий для обсуждения и решения вопросов уездной и губернской жизни. Так вот, все земцы-дворяне в один голос отмечают абсолютную пассивность и отстраненность крестьян от земских дел, их желание как можно меньше участвовать в деятельности земских собраний и управ. Крестьяне, привыкнув с недоверием относиться ко всем решениям, исходящим «сверху», в массе своей и создание земств встретили более чем настороженно, на земские выборы шли неохотно и тем более не стремились стать гласными. Публицист Мултановский, современник Великих реформ, с иронией писал по этому поводу: «...им [крестьянам] известно, что земства – это не казна, но тоже начальство, потому что ездит с колокольчиком и может ругать старшину и старосту. А потом им известно, что в платежной книжке есть “земские” и их платить надо (имелись в виду собираемые с крестьян земские сборы. – Д.Л.)»²⁰. Аналогичные воспоминания о крестьянских гласных оставил и Б.Н. Чичерин, находившийся на земской службе в Тамбовской губернии²¹.

Ровно такие же политические установки обнаруживают и крестьяне первой трети XX в. Об этом говорит интересное исследование, выполненное в жанре устной истории в деревнях Кировской области в 1980–90-е гг. местным историком В. Бердинских. Вот характерные воспоминания о своей молодости двух крестьянок, 1913 и 1900 года рождения соответственно: «Ничего не знали о других людях-то, тогда ведь ничего не говорили о других странах. Жили, про соседние деревни только и знали»²² (Зубарева Д.З.); «Радива [радио] у нас не было, газеты не читали, о правительстве ничего не знали»²³ (Платунова Е.И.).

Полагаем, что приведенных примеров вполне достаточно для того, чтобы сделать вывод об отсутствии у народных масс имперского сознания. Крестьянская политическая культура (т. е. культура почти всех жителей России до 1930-х гг.) – это типичная приходская культура, если пользоваться известной терминологией Г. Алмонда и С. Вербы, целиком ориентированная на локальное сообщество. Крестьянские массы никогда не идентифицировали себя с имперскими институтами, они не понимали и не могли понимать геополитические задачи, которые эта империя ставила перед собой, им абсолютно чужда была идея русского мессианства (хотя бы потому, что они не ощущали

¹⁹ Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. М., 2001. С. 293.

²⁰ Цит. по: Субботина А.М. Земское самоуправление и проблема формирования общественного согласия // Гражданское общество и государственные институты в России: взгляд из провинции. Саранск, 2004. С. 123.

²¹ Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Земство и Московская Дума. Тамбов, 2007. С. 12.

²² Бердинских В. Речи немых. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке. М., 2011. С. 63.

²³ Там же. С. 77.

себя русскими) или мессианства православного, т. к. народное православие – это прежде всего что-то простое и наивное: окропление пашни святой водой перед началом сева или свеча в храме «за упокой души» умершего родственника, а не сложная метафизика концепции «Москва – Третий Рим»²⁴.

Отдельного обсуждения заслуживает распространенный тезис о том, что народ, лишенный имперской идеи, просто не мог бы создать крупнейшую в мире сухопутную империю. «Имперское строительство было не только государственной, но и народной политикой...»²⁵, – настаивает С. Никольский, очевидно, имея в виду, что русские поддерживали имперскую политику, осуществляемую элитами. На самом деле, это, конечно же, не так – колонизация обширных евразийских пространств казаками, «промышленными людьми» и крестьянами, которая началась в конце XVI в., не имела ничего общего с идеей империализма. Исследователь этой темы У. Сандэрлэнд вполне справедливо указывает: «...у большинства русских колонистов-крестьян отсутствовала идентификация с целями строительства империи и они не рассматривали собственную деятельность как имперское предприятие»²⁶. А могло ли быть иначе, учитывая особенности крестьянской политической культуры, которые были отмечены выше? Крестьяне шли в Сибирь, а затем и в другие осваиваемые регионы в поисках лучшей жизни – они уходили подальше от власти помещиков, спасаясь от малоземелья и т. д. Проанализировав тексты ходатайств о переселении в Сибирь, с которыми обращались крестьяне к властям в XIX – начале XX вв., Сандэрлэнд обнаружил, что наиболее популярной мотивировкой был недостаток земли или – в случае сектантов и раскольников – жалобы на притеснения со стороны православных. С нескрываемой иронией Сандэрлэнд пишет, что никто из желающих отправиться за Урал не упоминает мотив распространения православия среди инородцев, сдерживания «желтой угрозы» или чего-то подобного, чем должен был бы вдохновляться имперский народ. Особенно ценно, что в статье встречается и прямая речь самих крестьян – там приведены, в частности, воспоминания крестьянина М. Сумкина, который так описывал причины, побудившие его к переселению: «В ясный весенний день 8 мая 1907 года я вышел из родимой деревни. Я отправился в Сибирь искать вольной земли, чтоб *устроить там хорошую крестьянскую жизнь* (курсив мой. – Д.Л.) без вечной нужды, без частого недорода и без жестокой кабалы деревенских кулаков»²⁷.

То же самое касается казаков, промышленников и служилых людей, которые до конца XVII в. были главными агентами русского колониализма в Сибири. В нашем официальном историческом нарративе русские первопроходцы (атаман Ермак, В. Атласов и др.) часто изображаются как верные солдаты империи, которые двигались за Уральские горы, побуждаемые интересами государства. На самом деле, участники этих экспедиций, которые обычно были организованы на их собственные деньги, думали вовсе не о своей имперской миссии, а о наживе за счет торговли пушниной или банального грабежа аборигенов. Это были отряды русских конкистадоров, «джентльменов удачи»²⁸. Поначалу государство вообще мало контролировало то, что

²⁴ См.: Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998.

²⁵ Никольский С.А. После империи // Независ. газ. 09.10.2013. С. 10.

²⁶ Сандэрлэнд У. Империя без империализма // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 465.

²⁷ Там же. С. 466.

²⁸ Зуев А. «Конкистадоры империи»: русские землепроходцы на Северо-Востоке Сибири // Регион в истории империи. Исторические эссе о Сибири. М., 2012. С. 19.

происходило на новых территориях: «во время первоначального “присоединения” новых земель самостоятельность землепроходцев доходила до того, что они рассматривали объявленные ими территории как свои “вотчины”, не допуская конкурентов из других гарнизонов, в результате чего случались даже вооруженные столкновения между разными отрядами»²⁹. Порой происходили и столкновения казаков с представителями власти, которые пытались поставить их под свой контроль (один из таких примеров – бунт казаков на Камчатке в 1711 г.).

Итак, среди крестьян и казаков не было никакого представления об исторической миссии русского народа, никакого намека на целенаправленную имперскую колонизацию. Конечно, и продвижения отрядов «русских конкистадоров» в поисках ясака, и переселение крестьян на новые территории облегчали империи задачу распространения своей власти на этих землях. Империя двигалась вслед за крестьянами и землепроходцами, устанавливая на освоенных территориях собственные институты и порядки. Так, в Сибири постепенно появляются представители государственной администрации – приказчики и ясачные сборщики, возникают остроги и другие опорные пункты центральной власти. «Освоение новых земель было бегством подданных от власти и погоней власти за убежавшими подданными. Догоняя, власть присваивала наиболее ценные из обретенных ресурсов (мех, чай, серебро, железо, золото и т. д.), тем самым получая новые силы и новую возможность перераспределять», – замечает исследователь истории российского Дальнего Востока Леонид Бляхер³⁰. В этом смысле казаки и крестьяне *невольно* становились проводниками имперской политики, облегчали процесс имперского расширения, но называть этих людей сознательными строителями империи или носителями имперского духа – все равно, что объявлять английскими империалистами пиратов с Туманного Альбиона, нападавших на испанские корабли и порты, хотя и они немало сделали для утверждения британской гегемонии на морях. Кстати, этот момент хорошо чувствовала сама имперская элита: П.А. Столыпин, инициатор массового переселения крестьян из Центральной России (что было одним из элементов его аграрной реформы), писал: «Хотя крестьянин, переселяясь, ищет своей личной выгоды, он, несомненно, в то же время работает в пользу общих интересов империи»³¹.

Слова Столыпина показывают, что интересы народа и интересы империи не обязательно должны были находиться в противоречии друг к другу, они вполне могли и совпадать. Однако *задачи имперской политики никогда не рассматривались народными массами в качестве мотива их собственных действий*. Если же мы соглашаемся с С. Никольским в том, что строительство империи было «народной политикой», то мы должны представить русского крестьянина пробирающегося в Сибирь с четким осознанием того, что «два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти», а потому среди якутов или юкагиров он является хранителем идеи православного мессианства. При всем уважении к указанному автору вообразить себе такую картину достаточно сложно. Возможно, какие-то элементы имперской идеологии и проникали в народное сознание, но происходило это в весьма

²⁹ Зувев А. «Конкистадоры империи»: русские землепроходцы на Северо-Востоке Сибири. С. 32.

³⁰ Бляхер Л.Е. Восточный поворот России (возникновение и выживание естественного порядка в малых городах Дальнего Востока России). Хабаровск, 2013. С. 32.

³¹ Цит. по: Ремнев А. Вдвинуть Россию в Сибирь: империя и русская колонизация второй половины XIX – начала XX века // Регион в истории империи. Исторические эссе о Сибири. М., 2012. С. 58.

метафорической и мифологизированной форме – например, в одной фольклорной песне говорилось о том, что «у нас белый царь над царями царь... Он стоит за дом Богородицы, Ему орды все преклонилися, Все языцы ему покорилися»³².

Выяснив, что рассуждения о многовековой укорененности имперской идеи в народном сознании не соответствуют действительности, необходимо разобрать вопрос о постимперском синдроме в современной России, т. е. понять: (а) каким образом в русскую политическую культуру все-таки проникла идея империи и (б) насколько остро переживается нашими сегодня согражданами утрата имперского статуса.

В этой статье уже выделялись как важный рубеж 1930-е гг., когда в СССР начала осуществляться сталинская модернизация. *Именно советская эпоха стала временем, когда в массовое сознание русских действительно вошел пласт идей и ценностей, связанных с понятием «великая держава» и «империя».* Это было связано с двумя факторами. Во-первых, советская модернизация впервые за много веков по-настоящему перевернула традиционный уклад жизни русского крестьянства. Постановлением СНК РСФСР от 30 июля 1930 г. в районах сплошной коллективизации была упразднена община, все ее властные полномочия переданы сельсоветам и колхозным правлениям; началась форсированная индустриализация страны, что вело к вымыванию из деревни значительных масс населения, которые отправлялись в город на заводы и на «стройки социализма»³³; параллельно в саму деревню все активнее проникают различные модернизационные тенденции: развиваются средства коммуникации между городом и селом, начинается «культурная революция», строятся школы, училища и дома культуры, появляется радио, газеты и кино. Описанная трансформация покончила с традиционным крестьянским мировоззрением с его крайним локализмом и своеобразным стихийным анархизмом (хотя отдельные его пережитки могли, естественно, сохраняться). Абстракции нации и государства, недоступные неграмотным крестьянам прежней эпохи, постепенно вошли в сознание советских людей, в том числе живущих в деревне, потому что система всеобщего образования вместе с газетой «Правда» добралась и туда.

Второй важный момент заключался в том, что вместе с форсированной индустриализацией страны, необходимой на случай военного противостояния, для этих же целей власть возрождает и русский патриотизм. С начала 1930-х гг. в связи с отказом большевиков от идеи мировой революции уходит в прошлое прежнее отношение к России как к «тюрьме народов», начинается восстановление позитивного образа дореволюционной России (сигнал к ревизии исторического нарратива был дан работой Сталина «О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма” от 19 июля 1934 г.»)³⁴. В реанимированной имперской парадигме русские как крупнейший народ страны занимают особое место – достаточно вспомнить знаменитое выступление Сталина на приеме в Кремле вскоре после Победы, в котором он говорит о русских как о «наиболее выдающейся нации из всех наций, входящих в состав Советского Союза», как о народе, выполняющем роль

³² Коринфский А.А. Народная Русь: круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М., 2011. С. 132.

³³ СССР постепенно перестает быть крестьянской страной – уже к концу 1950-х гг. в городе жил каждый второй советский гражданин, а к окончанию советской эпохи на селе остается лишь 34 % населения (в РСФСР и вовсе – 26 %).

³⁴ Бордюгов Г., Бухараев В. Национальная историческая мысль в условиях советского времени // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 1999. С. 30.

«руководящей силы в великом Советском Союзе»³⁵. В условиях модернизированного общества эти имперские идеи уже не были, как раньше, достоянием лишь узкой прослойки образованных людей, теперь они находили отклик и в массовом сознании.

Можно долго спорить о том, был ли СССР империей. Это отдельная тема, но, во всяком случае, Советский Союз был импероподобным образованием, использовавшим элементы имперской политики. И русские в этой «империи» были «государствообразующим» народом – крупнейшим по численности; народом, чей язык использовался как *lingua franca* на всей территории страны, представители которого вместе с национальными кадрами находились на руководящих постах во всех пятнадцати республиках. Образ «старшего брата» применительно к русским активно использовался в историческом нарративе, в культуре, в официальной пропаганде. Помимо речи Сталина можно вспомнить и такой знаменитый символ советской эпохи, как фонтан «Дружба народов» на ВДНХ. Его скульптурную композицию составляют фигуры девушек в национальных одеждах, символизирующие каждую из союзных республик; центром всей композиции, естественно, является девушка в русском национальном костюме.

Русских в качестве имперского народа воспринимало титульное население союзных республик – не случайно и сегодня все исторические обиды, связанные с политикой советской власти (репрессии, депортации и т. д.), адресуются России и русским. Русские во многом и сами ощущали себя именно так, поэтому и отношение к распаду СССР в России несколько иное, нежели в большинстве постсоветских государств. Здесь просто невозможно вокруг 1991 г. выстроить национальную мифологию, связанную с «деколонизацией», «освобождением от угнетения», «возвращением в Европу» и пр., как это происходит в ряде бывших советских республик. Для россиян самым загадочным государственным праздником до сих пор остается День независимости 12 июня («Независимость от кого?») – первый вопрос, который следует при обсуждении т. н. Дня России). Вот здесь и находятся истоки постимперского синдрома, который сегодня обнаруживают многие исследователи.

Ностальгия по утраченной империи – явление вполне понятное, с ним сталкивались все бывшие метрополии³⁶. Смену статуса нужно пережить, а для этого необходимо время. Но, опять же, говоря о постимперском синдроме в России, нужно сделать важные оговорки. Сомнительно, что в России этот синдром протекает в какой-то особо острой форме, как иногда утверждают. Мы часто смотрим на данные социологических опросов, по которым большинство россиян сожалеет о распаде СССР и мечтает о восстановлении великой державы, не очень задумываясь, что же действительно стоит за такими ответами респондентов. Возьмем данные исследования 2001 г., в ходе которого почти $\frac{3}{4}$ россиян негативно оценили распад СССР. Цифры впечатляют, но при более детальном рассмотрении выясняется, что сожаление о Советском Союзе для большинства опрошенных означает ностальгию не по великодержавной политике, а по первому государству «во всей многовековой истории России, которое обеспечило справедливость для простых

³⁵ Бордюгов Г., Бухараев В. Национальная историческая мысль в условиях советского времени. С. 42.

³⁶ См., напр.: Кустарев А.С. После понижения в должности – Британия, Франция, Россия // Наследие империй и будущее России. М., 2008. С. 186–240; также можно отослать читателей к журналу «Россия в глобальной политике», один из номеров которого (№ 6, 2005) был целиком посвящен теме постимперской трансформации Франции, Великобритании, Турции, Португалии, Австро-Венгрии и России.

людей и сделало для них возможной приличную жизнь»³⁷. Вдобавок к этому лучшим периодом в своей истории россияне считают не царствование Екатерины II, когда наша страна активно расширяла свои территории, и не правление Сталина, при котором СССР превратился в сверхдержаву, а брежневскую эпоху, которая более всего ассоциируется со стабильностью и обеспеченностью социальными благами. Выходит, что ностальгия по СССР – это в первую очередь ностальгия по социальной защищенности, бесплатному образованию и медицине, а не по советским танкам в Чехословакии или ракетам на Кубе.

Показателен и следующий момент: в ходе опроса 2007 г. респондентам предлагали составить свою «Я-самоидентификацию», т. е. назвать неограниченный набор характеристик, с помощью которых они отвечают на вопрос «кто я такой?». Прodelывая эту операцию, лишь 19 % россиян указали в числе важных характеристик своей идентичности те, которые были связаны с понятием «великая держава»: 11 % респондентов сказали, что чувствуют себя гражданами страны, которая перестала быть великой державой, и 8 % по-прежнему ощущают себя гражданами великой державы. Для остальных 81 % россиян гораздо более значимыми оказались профессиональные, национальные, классовые и пр. идентификации³⁸.

Наконец, последний важный аспект общественных настроений, на который хотелось бы обратить внимание: когда 85 % россиян заявляют, что хотят видеть свою страну великой державой, это не означает, что они мечтают о том, чтобы «русский солдат вымыл сапоги в Индийском океане», как выражался один известный персонаж российской политики. Для 61 % наших сограждан великая держава – это «повышение качества жизни», для 39 % – «наведение порядка во всех сферах», для 37 % – «создание равных возможностей для всех»³⁹ (можно было называть несколько вариантов ответа) и т. д. Другими словами, это просто синоним современной страны с развитой экономикой, в которой комфортно жить, – довольно интересный штрих к разговору о безальтернативности имперского сознания в России.

Подчеркнем еще раз: было бы неправильно отрицать наличие в сегодняшней российской политической культуре имперских ценностей и установок, ностальгии по утраченному влиянию в мире, милитаристских настроений и т. д. Система ценностей вообще редко бывает гомогенной в каком-либо обществе, как правило, имеет место сосуществование разных субкультур и ценностных блоков (причем нередко даже в голове одного человека). «Имперско-державный» ценностный блок, бесспорно, составляет одну из политических субкультур современного российского общества; иногда входящие в него идеи и установки могут актуализироваться и расширять свое влияние за счет других ценностных блоков, например в ситуации конфронтации России со странами Запада, порой имперские ценности уходят на периферию общественного сознания (вспомним массовые настроения конца перестройки, когда значительная часть российского населения поддерживала Б. Ельцина и других «демократов» в их борьбе с союзным центром, выступала за интеграцию России в западное сообщество и т. д.). Поэтому не стоит рассматривать общественные настроения и политические установки в России одномерно, без учета их динамики и внутренней сложности.

³⁷ Тихонова Н.Е. Наследие империи в общественном сознании россиян // Наследие империй и будущее России. М., 2008. С. 106.

³⁸ Там же. С. 111.

³⁹ Там же. С. 112–113.

Подводя итоги, можно сказать следующее: то, что мы знаем о политической культуре народных масс в России, позволяет говорить о проникновении в их сознание имперских ценностей и смыслов никак не раньше второй трети XX в., после начала советской модернизации. До этого времени имперский дискурс в России был сугубо элитарным – он продуцировался и поддерживался политической и интеллектуальной элитой, образованной частью российского общества. Первая была субъектом имперской политики, стремилась к расширению и освоению территории государства, она вовлекала страну в войны с другими империями, принимала решения в логике экономических, геополитических и прочих интересов. В свою очередь, интеллектуальная элита обеспечивала империю идеологическими инструментами господства, создавала имперский нарратив – от посланий старца Филофея и «Сказания о князьях владимирских» до «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, теории официальной народности или активного участия представителей интеллигенции в формировании образа врага и разжигании милитаристских настроений в годы Первой мировой войны⁴⁰. Очень важно не смешивать элитарный имперский дискурс, проводимую властями имперскую политику и реальное состояние народного сознания, отношение народных масс к империи. А именно в эту ловушку, на наш взгляд, попадают те авторы, с которыми мы полемизировали в данной статье.

Этот разговор о генеалогии имперского сознания в России кажется важным прежде всего потому, что он демонстрирует бесперспективность попыток найти в истории (русской, западной и пр.) какую-то единственную доминанту, изначальную «матрицу», определяющую все ее последующее развитие. Исторический процесс полон развилки и противоречивых тенденций, не стоит его искусственно спрямлять. В русской культуре и политической традиции наряду с имперским вектором существовали и мощные антиимперские тенденции – вспомним хотя бы феномен Раскола или русского народничества. Поэтому не будем упрощать русскую историю, достаточно сложную и противоречивую, ибо существование исторических развилки в прошлом является гарантией того, что такие же развилки возможны и в будущем.

Список литературы

Андерсон Б. Воображаемые сообщества / Пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: Канон-Пресс; Кучково поле, 2001. 230 с.

Анисимов Е.В. Исторические корни имперского мышления в России. [Электронный ресурс] URL: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/sympo/Proceed97/Anisimov.html>

Бердинских В. Речи немых. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке. М.: Ломоносовъ, 2011. 328 с.

Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 220 с.

Бляхер Л.Е. Восточный поворот России (возникновение и выживание естественного порядка в малых городах Дальнего Востока России). Хабаровск: СКВ-галерея, 2013. 90 с.

Бордюгов Г., Бухараев В. Национальная историческая мысль в условиях советского времени // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М., 1999. С. 21–72.

Ванчугов В.В. Философствование в условиях немирного времени: постижение смысла «второй отечественной войны» // История философии. 2014. № 19. С. 232–235.

⁴⁰ См.: *Ванчугов В.В.* Философствование в условиях немирного времени: постижение смысла «второй отечественной войны» // История философии. 2014. № 19. С. 232–235.

- Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Земство и Московская Дума. Тамбов: Юлис, 2007. 383 с.
- Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 319 с.
- Герцен А.И. Русский народ и социализм // Герцен А.И. Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1986. С. 154–182.
- Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. М.: Кучково поле, 2001. 434 с.
- Зорин А. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII–XIX века. М.: Новое лит. обозрение, 2004. 414 с.
- Зуев А. «Конквистадоры империи»: русские землепроходцы на Северо-Востоке Сибири // Регион в истории империи. Исторические эссе о Сибири / Ред.-сост. С. Глебов. М., 2012. С. 17–46.
- Коринфский А.А. Народная Русь: круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М.: АСТ; Астрель, 2011. 735 с.
- Кормина Ж. Воинская присяга: к истории одного перформатива // Неприкосновенный запас: дебаты о культуре и политике. 2004. № 1 (33). С. 100–105.
- Кустарев А.С. После понижения в должности – Британия, Франция, Россия // Наследие империй и будущее России / Под ред. А.И. Миллера. М., 2008. С. 186–240.
- Лурье С.В. Метаморфозы традиционного сознания. СПб.: Тип. им. Котлякова, 1994. 286 с.
- Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 583 с.
- Нации и национализм / Под ред. Г.Балакришна. М.: Праксис, 2002. 409 с.
- Никольский С.А. После империи // Независимая газета. 09.10.2013. С. 10.
- Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.: Алетейя, 1998. 305 с.
- Проханов А.А. Горчаковы «Пятой Империи» // Завтра. 21.06.2006. № 25 (657). С. 5.
- Радзиховский Л. Новогоднее настроение // Рос. газ. Федерал. вып. 30.12.2014. № 6570 (298). С. 4.
- Ремнев А. Вдвинуть Россию в Сибирь: империя и русская колонизация второй половины XIX – начала XX века // Регион в истории империи. Исторические эссе о Сибири / Ред.-сост. С. Глебов. М., 2012. С. 47–72.
- Сандэрлэнд У. Империя без империализма // Новая имперская история постсоветского пространства / Под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, А.П. Каплуновского. Казань, 2004. С. 459–472.
- Субботина А.М. Земское самоуправление и проблема формирования общественного согласия // Гражданское общество и государственные институты в России: взгляд из провинции. Материалы VIII–IX Сафаргалиев. Науч. чтений / Под ред. Н.М. Арсентьева. Саранск, 2004. С. 118–126.
- Суни Р. Диалектика империи: Россия и Советский Союз // Новая имперская история постсоветского пространства / Под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, А.П. Каплуновского. Казань, 2004. С. 163–198.
- Тихонова Н.Е. Наследие империи в общественном сознании россиян // Наследие империй и будущее России / Под ред. А.И. Миллера. М., 2008. С. 103–138.
- Хитров А. О теориях национализма. [Электронный ресурс] URL: <http://yarcenter.ru/articles/politics/braces/o-teoriyakh-natsionalizma-74227>
- Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. / Пер. с англ. А.А. Васильева. СПб.: Алетейя, 1998. 305 с.
- Энгельгардт А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. СПб.: Наука, 1999. 714 с.
- Юрьев М. Естественным для русских вариантом государственного устройства является смесь идеократии и имперского патернализма // Российское государство: вчера, сегодня, завтра / Под общ. ред. И.М. Клямкина. М., 2007. С. 165–182.
- Deutsch K. Nationalism and Social Communication. 2nd ed. Camb. (MA): MIT Press, 1966. 420 p.
- Weber E. Peasants into Frenchmen. The Modernization of Rural France 1870–1914. Stanford: Stanford University Press, 1976. 615 p.

Toward a genealogy of imperial consciousness in Russia

Denis Letnyakov

PhD in Political Science, Senior Research Fellow. RAS Institute of Philosophy, Volkhonka Str. 14/5, Moscow 119991, Russian Federation; e-mail: letnyakov@mail.ru

This paper explores the imperial consciousness in Russia. The author reconstructs the peculiarities of premodern political culture of the Russian peasantry and comes to the conclusion that, against what is widely believed, one cannot legitimately assert that Russians have been an 'imperial nation' since the 15th or 16th century. In fact, peasant political consciousness (one has to be reminded that till 1930-ies peasantry remained the overwhelming majority in Russia) retained a radically local character and remained limited to the level of a peasant community. The masses had a very foggy idea of imperial institutes and never identified themselves with these, let alone understood the aims of imperial politics. The masses embraced neither the idea of Russian messianism (because they did not consider themselves as Russians yet) nor the idea of the Orthodox messianism (because popular Orthodoxy was mainly reduced to ritualism).

The complex of ideas and values connected with the notion of empire entered mass consciousness of Russians only during the Soviet period. It was connected with the modernization of the Soviet society that made it possible for the masses to perceive the imperial idea taking into consideration that in 'the Soviet empire' Russians assumed the position of the 'imperial' nation. The post-imperial syndrome in contemporary Russia, therefore, is rooted only in the Soviet era.

Keywords: empire, imperial consciousness, peasantry, people, political culture, tradition, modernization

References

- Anderson, B. *Voobrazhaemye soobshchestva* [Imagined Communities], trans. by V. Nikolaev. Moscow: Kanon-Press Publ.; Kuchkovo pole Publ, 2001. 230 pp. (In Russian)
- Anisimov, E. *Istoricheskie korni imperskogo myshleniya v Rossii* [The Historical Roots of Imperial Mind in Russia]. [<http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/sympo/Proceed97/Anisimov.html>, accessed on 09.01.2015]. (In Russian)
- Balakrishnan, G. (ed.) *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism]. Moscow: Praksis Publ., 2002. 409 pp. (In Russian)
- Berdinskikh, V. *Rechi nemykh. Povsednevnyaya zhizn' russkogo krest'yanstva v XX veke* [Dumb's Speeches. The Daily Life of the Russian Peasantry in the 20th Century]. Moscow: Lomonosov Publ., 2011. 328 pp. (In Russian)
- Berdyayev, N. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The Origin of Russian Communism]. Moscow: Nauka Publ., 1990. 220 pp. (In Russian)
- Blyakher, L. *Vostochnyi povorot Rossii (vozniknovenie i vyzhivanie estestvennogo porjadka v malykh gorodakh Dal'nego Vostoka Rossii)* [East Turn of Russia (Emergence and Survival of the Natural Order in the Small Towns of the Far East of Russia)]. Khabarovsk: Skv-galereya Publ., 2013. 90 pp. (In Russian)
- Bordyugov, G. & Bukharaev, V. "Natsional'naya istoricheskaya mysl' v usloviyakh sovetskogo vremeni" [National Historical Thought in the Conditions of the Soviet Era], *Natsional'nye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh* [National History in the Soviet and Post-Soviet States], ed. by K. Aimermakher & G. Bordyugov. Moscow: AIRO-XX Publ., 1999, pp. 21–72. (In Russian)
- Chicherin, B. *Vospominaniya. Zemstvo i Moskovskaya Duma* [Memoirs. District Council and the Moscow Duma]. Tambov: Ulius Publ., 2007. 383 pp. (In Russian)
- Deutsch, K. *Nationalism and Social Communication*, 2nd ed. Cambridge, MA: MIT Press, 1966). 420 pp.

- Engel'gardt, A. *Iz derevni. 12 pisem. 1872–1887* [From the Village: 12 Letters (1872–1887)]. St.Petersburg: Nauka Publ., 1999. 714 pp. (In Russian).
- Gellner, E. *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism]. Moscow: Progress Publ., 1991. 319 pp. (In Russian).
- Gertsen, A. “Russkii narod i sotsializm” [The Russian People and Socialism], in: A. Gertsen, *Sochineniya* [Works], vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., 1986, pp. 154–182. (In Russian).
- Golovin, N. *Voennye usiliya Rossii v Mirovoi voine* [Russian War Effort in World War]. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2001. 434 pp. (In Russian)
- Hobsbawm, E. *Natsii i natsionalizm posle 1780 g.* [Nation and Nationalism after 1780], trans. by A. Vasil'ev. St.Petersburg: Aleteiya Publ., 1998. 305 pp. (In Russian)
- Khitrov, A. *O teoriya natsionalizma* [On the Theory of Nationalism]. [<http://yarcenter.ru/articles/politics/braces/o-teoriyakh-natsionalizma-74227> accessed on 02.02.2015]. (In Russian)
- Korinskii, A. *Narodnaya Rus': kruglyi god skazanii, poverii, obychaev i poslovits russkogo naroda* [Folk Rus: Year Round Legends, Beliefs, Customs and Proverbs of the Russian People]. Moscow: AST Publ.; Astrel' Publ., 2011. 735 pp. (In Russian)
- Kormina, Zh. “Voinskaya prisyaga: k istorii odnogo performativa” [Military Oath: The History of the Performative], *Neprikosnovennyi zapas: debaty o kul'ture i politike*, 2004, no 1(33), pp. 100–105. (In Russian)
- Kustarev, A. “Posle ponizheniya v dolzhnosti – Britaniya, Frantsiya, Rossiya” [After Demotion – Britain, France, Russia], *Nasledie imperii i budushchee Rossii* [The Legacy of Empires and the Future of Russia], ed. by A. Miller. Moscow: Liberal'naya missiya Publ.; Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008, pp. 186–240. (In Russian)
- Lur'e, S. *Metamorfozy traditsionnogo soznaniya* [Metamorphoses of Traditional Consciousness]. St.Petersburg: Kotlyakov Publ., 1994. 286 pp. (In Russian)
- Mironov, B. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [Social History of Russian Empire Period (XVIII – Early 19th Century)], vol. 2. St.Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2003. 583 pp. (In Russian)
- Nikol'skii, S. “Posle imperii” [After the Empire], *Nezavisimaya gazeta*, 2013 (October 9). p. 10 (In Russian)
- Panchenko, A. *Issledovaniya v oblasti narodnogo pravoslaviya. Derevenskie svyaty-ni Severo-Zapada Rossii* [Researches in the Field of Folk Orthodoxy. Village Shrines in Northwest Russia]. St.Petersburg: Aleteiya Publ., 1998. 305 pp. (In Russian)
- Prokhanov, A. “Gorchakovy ‘Pyatoi Imperii’” [Gorchakovs of the ‘Fifth Empire’], *Zavtra*, 2011 (December 14). p. 5. (In Russian)
- Radzikhovskii, L. “Novogodnee nastroyenie” [The New Year Mood], *Rossiiskaya gazeta. Federal issue*, 2014 (December 30), no 6570(298). p. 4. (In Russian)
- Remnev, A. “Vdvinut' Rossiyu v Sibir': imperiya i russkaya kolonizatsiya vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka” [To Force Russia into Siberia: Empire and the Colonization of the Second Half of XIX – Early XX Century], *Region v istorii imperii. Istoricheskie esse o Sibiri* [Region in the History of the Empire. Historical Essays about Siberia], ed. by S. Glebov. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2012, pp. 47–72. (In Russian)
- Sanderlend, U. “Imperiya bez imperializma” [Empire without Imperialism], *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva* [The New Imperial History of Post-Soviet Space], ed. by I. Gerasimov & S. Glebov. Kazan: Research Center of Nationalism and Empire Publ., 2004, pp. 459–472. (In Russian)
- Subbotina, A. “Zemskoe samoupravlenie i problema formirovaniya obshchestvennogo soglasiya” [Territorial Self-government and the Problem of the Formation of Public Consent], *Grazhdanskoe obshchestvo i gosudarstvennye instituty v Rossii: vzglyad iz provintsii. Materialy VIII-IX Safargalievskikh nauchnykh chtenii* [Civil Society and Public Institutions in Russia: A View from the Province. Materials of VIII–IX Conferences in Memory of M. Safargaliev], ed. by N. Arsent'ev. Saransk: Krasnyi Oktyabr' Publ., 2004, pp. 118–126. (In Russian)
- Suni, R. “Dialektika imperii: Rossiya i Sovetskii Soyuz” [Dialectics of Empire: Russia and the Soviet Union], *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva* [The New Imperial History of Post-Soviet Space], ed. by I. Gerasimov & S. Glebov. Kazan: Research Center of Nationalism and Empire Publ., 2004, pp. 163–198. (In Russian)

Tikhonova, N. "Nasledie imperii v obshchestvennom soznanii rossiyan" [Legacy of Empire in the Public Consciousness of Russians], *Nasledie imperii i budushchee Rossii* [The Legacy of Empires and the Future of Russia], ed. by A. Miller. Moscow: Liberal'naya missiya Publ.; Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008, pp. 103–138. (In Russian)

Vanchugov V. "Filosofstvovanie v usloviyakh nemirnogo vremeni: postizhenie smysla 'vtoroj otechestvennoi voiny'" [Philosophizing in a Non-peaceful Time: Understanding the Meaning of the 'Second Patriotic War'], *Istoriya filosofii*, 2014, no. 19, pp. 232–235. (In Russian)

Weber, E. *Peasants into Frenchmen. The Modernization of Rural France 1870–1914*. Stanford: Stanford University Press, 1976. 615 pp.

Yur'ev, M. "Estestvennym dlya russkikh variantom gosudarstvennogo ustroystva yavlyatsya smes' ideokratii i imperskogo paternalizma" [Natural Version of the State System for the Russians is a Mixture of Paternalism and Imperial Ideocracy], *Rossiiskoe gosudarstvo: vchera, segodnya, zavtra* [The Russian State: Yesterday, Today and Tomorrow], ed. by I. Klyamkin. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ, 2007. С. 165–182. (In Russian)

Zorin, A. *Kormya dvuglavogo orla... Russkaya literatura i gosudarstvennaya ideologiya v poslednei treti XVIII–XIX veka* [Feeding the Two-headed Eagle ... Russian Literature and State Ideology in the Last third of XVIII–XIX Century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. 414 pp. (In Russian)

Zuev, A. "'Konkvistadory imperii': russkie zemleprokhodtsy na Severo-Vostoke Sibiri" ['Conquistadors of Empire': Russian Pathfinders in the Northeast Siberia], *Region v istorii imperii. Istoricheskie esse o Sibiri* [Region in the History of the Empire. Historical Essays about Siberia], ed. by S. Glebov. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2012, pp. 17–46. (In Russian)